

К. А. Болдовский
Аппарат Ленинградской городской
партийной организации
в 1945–1948 гг.

За годы Великой Отечественной войны коммунистическая партия претерпела серьезнейшие изменения. Стремясь усилить партийно-политический контроль в действующей армии и в тылу, руководство страны пошло на то, чтобы упростить порядок приема в партию. Мобилизация всех сил тыла потребовала организации действенного механизма административно-политического контроля. Партийные органы подходили для этого как нельзя лучше — собственно говоря, партия и представляла собой практически идеальный мобилизационный механизм внутри общества и государственных органов. И. В. Сталин, определяя роль партии, сказал однажды: «Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед»¹. Рост рядов партии в результате политических мобилизаций приводил к тому, что в нее вливалось значительное число политически слабо подготовленных людей. Возникла угроза размывания основ организации, возникновения кризиса, аналогичного событиям начала 1920-х гг., когда партия, значительно увеличив количественный состав, оказалась малоуправляемой и, как считают некоторые исследователи, «фактически развалилась»². Один из рецептов борьбы с этим явлением был выработан задолго до описываемых событий. Раньше, как правило, после окончания «мобилизационного периода» проводились «чистки» партии (иногда они назывались кампаниями по обмену партийных документов, но суть мероприятий от этого не менялась). В ходе широкомасштабных «чисток» партия освобождалась от «балласта», то есть людей, потерявших связь с организацией и не участвовавших в деятельности ее первичных структур, а заодно и от партийцев, скомпрометированных чем-либо по бытовой или политической линиям. После войны ситуация, однако, была несколько другой. Партия официально отказалась от

**Болдовский Кирилл
Анатольевич,**
соискатель,
Санкт-Петербургский
государственный
университет.
bold63@mail.ru

практики проведения широкомасштабных «чисток» на последнем, предвоенном XVIII съезде, а нарушать решения съезда в атмосфере послепобедной эйфории было бы политически неправильным шагом.

Вторая немаловажная трудность для высшего партийного руководства заключалась в сложившейся в ходе войны практике отношений между партийными и государственными или хозяйственными органами. Чрезвычайная военная обстановка диктовала необходимость принятия быстрых решений и не менее быстрого их исполнения любой ценой. В этой ситуации партийные руководители среднего звена, которые отвечали перед высшим руководством за исполнение решений, были вынуждены заниматься организационной деятельностью, вникая во всевозможные детали повседневной хозяйственной работы. Происходило то, что после войны получило название «срачивания» партийного и хозяйственного руководства. Партийные функционеры начали попадать в зависимость от хозяйственных руководителей, распорядившихся, в силу своих должностей, материальными и человеческими ресурсами. Безусловно, в этой ситуации политический и идеологический контроль над их деятельностью был ослаблен — хозяйственные и административные органы стали выходить из-под контроля и жить по собственным правилам. По-видимому, в этот период сложилась настолько нестерпимая ситуация, что даже спустя 7 лет, в отчетном докладе ЦК XIX съезду партии она была охарактеризована следующим образом: «...обстановка военного времени... породила крупные недостатки в работе партийных органов... Создалась опасность отрыва партийных организаций от масс и превращения их из органов политического руководства... в своеобразные административно-распорядительные учреждения, неспособные противостоять всяким местническим, узковедомственным и иным антигосударственным устремлениям, не замечающие прямых извращений политики партии в хозяйственном строительстве, нарушений интересов государства»³.

Третья проблема относилась также к сфере партийного контроля. Стремясь ужесточить надзор над номенклатурными работниками, партийные чиновники столкнулись с ситуацией, когда контроль, особенно в промышленности и в сфере идеологии, приходилось осуществлять людям, менее образованным и подготовленным, чем подконтрольный контингент. Для обеспечения политического руководства необходимо было резко поднять средний уровень общей и политической культуры партийных руководителей. Существование этих трудностей признавалось и высшим руководством. В 1947 г. на первом совещании Коминформа Г. М. Маленков сказал: «В связи с окончанием войны и переходом на мирные рельсы потребовалась серьезная перестройка работы партийных организаций. Это оказалось тем более необходимым, что в работе партийных организаций вскрылись крупные недостатки, которые не были видны в годы войны, и прежде всего, вскрылась запущенность партийно-организационной и идеологической работы»⁴. Характерно, что это признание было повторено им и на XIX съезде партии в 1952 г.

Курс на возвращение к предвоенным установкам в области партийного строительства был подтвержден И. В. Сталиным в его известном выступлении 9 февраля 1946 г. Говоря о предвыборном блоке «коммунистов и беспартийных», И. В. Сталин сделал достаточно смелое, с нашей точки зрения, заявление: «В былые времена коммунисты относились к беспартийным и к беспартийности с некоторым недоверием... флагом беспартийности нередко прикрывались различные буржуазные группы... Но теперь у нас другие времена. Беспартийных отделяет теперь от буржуазии барьер, называемый советским общественным строем. Этот же барьер объединяет беспартийных с коммунистами в один общий коллектив советских людей... Разница между ними лишь в том, что одни состоят в партии, а другие нет. Но эта разница формальная»⁵. Что стояло за тезисом о «формальности» партийности? Можно сделать несколько предположений.

Во-первых, партия из политической организации, объединяющей «лучших представителей рабочего класса и беднейших слоев крестьянства», превращается в организацию лучших представителей всего народа — то есть наиболее политически (естественно, с точки зрения господствующей идеологии) грамотных граждан. Следовательно, должна повышаться доля интеллигенции среди членов организации.

Косвенным подтверждением правильности такого предположения служат установки руководящих органов ВКП(б) о привлечении в партию инженерно-технических работников, наряду с наиболее подготовленными рабочими. Например, в статьях, посвященных кадровому составу партии, опубликованных в «Ленинградской правде» в 1946–1947 гг., постоянно подчеркивается необходимость более активного привлечения в партию представителей интеллигенции, в первую очередь инженерно-технической. Первый секретарь обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попков, выступая на общегородском собрании партийного актива 17 апреля 1946 г., подчеркнул, что прошедший недавно объединенный Пленум обкома и горкома ВКП(б) «потребовал от райкомов и горкомов систематически улучшать состав парторганизаций. Продолжая прием в партию передовых рабочих, необходимо особое внимание обратить на активный отбор в партию лучших представителей нашей технической и научной интеллигенции...»⁶. В своей речи на состоявшемся в сентябре того же года Пленуме обкома и горкома партии П. С. Попков повторил те же положения, сославшись на авторитетное мнение ЦК партии: «Центральный Комитет подчеркивает, что основной базой роста партийных организаций в промышленных центрах должны являться рабочие и инженерно-технические работники промышленных предприятий»⁷. Количественные данные о приеме в партию, содержащиеся в документах райкомов ВКП(б), и данные отдела кадров горкома ВКП(б) подтверждают это предположение.

Во-вторых, разумно предположить, что в выступлении И. В. Сталина речь шла о повышении роли Советов в процессе управления государством, об отходе партии от хозяйственно-распорядительных функций и переходе к методам политического руководства: подбору и воспитанию кадров, развитию теории, пропаганде и агитации, то есть отходу от мобилиза-

ционных мер чрезвычайного периода, повсеместно распространенных во время войны. Если признать такие предположения небезосновательными, то нельзя не обратить внимания на совпадения с тезисами проекта новой программы партии, готовившейся к несостоявшемуся съезду ВКП(б) 1947–1948 г.⁸

Переход к мирному этапу развития подразумевал изменение конфигурации верховной власти в стране и перераспределение полномочий.

Ленинградская партийная организация выделялась среди других по целому ряду признаков. Это была одна из крупнейших по численности организаций. Ленинград исторически рассматривался как «колыбель революции». Героическая оборона, в ходе которой город смог выстоять, также способствовала росту авторитета ленинградской городской организации и ее аппарата в партийных кругах.

Немаловажным было то, что главный партийный идеолог, разработавший концепцию развития партии и совершенствования ее роли в стране — А. А. Жданов — длительное время возглавлял Ленинградскую организацию, в том числе и в блокадный период, а также то, что в 1946 г. важнейшее подразделение центрального партийного аппарата — Управление кадров ЦК — возглавил А. А. Кузнецов, пришедший на эту должность с поста первого секретаря ленинградских обкома и горкома ВКП(б).

Все эти факты дают основание предполагать, что в период 1945–1948 гг. именно Ленинградская партийная организация стала своеобразным «полигоном», где в первую очередь применялись концепции перестройки партийного аппарата, создатели которых рассчитывали придать ему большой профессионализм и динамичность.

Ленинградская партийная организация в первые послевоенные годы была одной из двух крупнейших региональных партийных организаций. В 1946 г. в городе насчитывалось 111 669 членов и кандидатов в члены ВКП(б) (для сравнения: 1941 г. — 151 793; 1945 г. — 71 251; 1947 г. — 179 147). Значительный численный рост организации в 1945–1946 гг. происходил за счет притока демобилизованных военнослужащих. При этом 40 % коммунистов имели только начальное образование, либо не имели образования вообще (данные 1947 г.).

Численность партийного аппарата 1946–1948 гг. оставалась почти неизменной, как и общее количество номенклатурных должностей, подведомственных горкому партии. Некоторые изменения были связаны с переводом ряда категорий из номенклатуры горкома в номенклатуру обкома. Общая численность номенклатуры горкома составляла: 1945 г. — 2100 человек, 1946 г. — 2169 человек, 1947 г. — 2430 человек, 1948 г. — 2496 человек⁹. При этом не все номенклатурные должности были, как тогда выражались, «замещены», то есть не для всех должностей были подобраны работники. Так, например, в 1948 г. оставались незамещенными 83 должности номенклатуры горкома¹⁰. Общая численность номенклатуры райкомов (по состоянию на февраль 1948 г.) составляла 8904 должности¹¹. На уровне райкомов доля незамещенных должностей была выше, чем в номенклатуре горкома.

К концу 1948 г. численность номенклатурных работников аппарата горкома составляла 209 человек, аппаратов райкомов — 633 человека, освобожденных секретарей парторганизаций — 189 человек, заместителей секретарей парторганизаций — 13 человека¹². В аппарате горкома основная часть работников занимала должности инструкторов отделов (примерно 70 % должностей).

Численный состав должностей номенклатуры горкома по различным категориям можно показать на примере 1948 г. В этом году в номенклатуру горкома входило следующее количество должностей: по аппарату горкома и подведомственных организаций — 214; секретарей райкомов — 62; по аппарату райкомов — 155; комсомольские кадры (секретари райкома ВЛКСМ) — 36; профсоюзные кадры — 63; кадры городского хозяйства — 88; советские, финансовые кадры и кадры здравоохранения — 168; кадры судов, прокуратуры, УМВД, УМГБ — 228; кадры вузов и научных учреждений — 284; кадры учреждений культуры и печати — 132; кадры промышленности — 475; парторги ЦК и секретари партбюро промышленных предприятий — 117; кадры системы трудовых резервов — 278; кадры предприятий торговли, пищевой промышленности и общественного питания — 195¹³. Количество должностей, входящих в номенклатуру ЦК партии в Ленинградской области, незначительно колебалось от года к году и составляло в среднем от 650 до 690 позиций.

Немаловажную роль в механизме партийного руководства играли так называемые «парторги ЦК» — руководители парторганизаций крупнейших предприятий и институтов. Они назначались на свои посты решением ЦК ВКП(б), и вследствие этого в меньшей степени зависели от регионального партийного руководства. Характерно, что в ходе «чисток» 1949–1951 гг. именно из этой группы подбирались кандидатуры для замещения вакансий в среднем звене партаппарата.

По нашему мнению, основной задачей, которую ставили перед региональными звеньями партаппарата руководители ЦК в описываемый период, было установление полного кадрового контроля над всеми звеньями государственного механизма.

Меры, предпринимаемые для установления контроля партии над кадрами, были действительно всеобъемлющими и не могли не вызвать недовольства со стороны руководителей Министерств и их кураторов из числа членов ближайшего окружения вождя. Приведем только один пример.

В ноябре 1946 г. было принято постановление ЦК «О недостатках в учете членов и кандидатов в члены ВКП(б) и мерах по упорядочиванию дела учета коммунистов». За формальной, бюрократической формулировкой названия постановления скрывался большой рывок в направлении установления полного партийного контроля над кадрами. В постановлении говорилось: «ЦК ВКП(б) установил, что передвижение членов и кандидатов в члены ВКП(б) из одной организации в другую может происходить:

- а. в пределах района... — с разрешения райкома...;
- б. за пределы района, города... — с разрешения обкома».

К постановлению прилагалась инструкция «О порядке передвижения членов и кандидатов в члены ВКП(б) из одной партийной организации в другую», которой устанавливалось: «...2. Разрешение на снятие с партийного учета членов и кандидатов, перемещаемых по служебной линии министерствами и ведомствами СССР и РСФСР, дается обкомами.

...Если обком возражает против отзыва министерством (ведомством) члена и кандидата в члены ВКП(б) из организации — вопрос о перемещении решается Управлением кадров ЦК ВКП(б) по представлению министерства (ведомства), производящего перемещение»¹⁴. Очевидно, что выполнение подобной инструкции предоставляло Управлению кадров чрезвычайно широкие полномочия. Любое ведомство, самые значимые Министерства были вынуждены просить у Управления разрешения на перемещения своих руководящих работников. Разумно предположить, что это могло вызвать резкую неприязнь у хозяйственных руководителей и их кураторов.

Ленинградские партийные руководители активно поддерживали и выполняли директивы Управления кадров ЦК.

Отдел кадров горкома партии стремился взять в свои руки всю кадровую работу в городе, не ограничивая себя рамками только партийного аппарата и номенклатуры горкома. Об этом свидетельствует фраза из отчета отдела кадров горкома за 1947 г.: «Выполняя решение XVIII съезда ВКП(б) о централизации всей работы с кадрами, отдел кадров горкома ВКП(б) занимался не только подбором, расстановкой и воспитанием кадров, входящих в номенклатуру ЦК и ГК, но и осуществлял повседневное руководство и направлял работу с кадрами районных комитетов ВКП(б), учреждений, ведомств и предприятий»¹⁵.

Партийный контроль распространялся даже на такие «неприкасаемые» Министерства, как МГБ и МВД.

В 1946 г. отдел кадров Ленинградского обкома ВКП(б) провел проверку деятельности подразделений УМГБ и УМВД. В отчете говорилось: «За 1946 год проведено 64 проверки работы отделов и отделений МВД, МГБ и судебно-прокурорских участков...

В феврале 1946 года при проверке комиссией обкома ВКП(б) правильности ведения следствия со стороны работников следственного отдела Управления МГБ, в транспортном и водном отделах МГБ Октябрьской ж. д. и Балтийского бассейна были вскрыты факты грубейшего нарушения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17.11. 1938 года.

Погоня за цифровыми показателями, а в связи с этим недостаточная агентурная разработка объектов, приводила к тому, что отдельные оперативные работники допускали преждевременные, а иногда и необоснованные аресты граждан, виновность которых не доказана. В следственной работе применялись к подсудимым меры физического воздействия, фальсификации документов, угрозы, нецензурная брань, грубость и т. д. применяемые к подсудимым.

По собственному произволу отдельных работников следственного отдела, с целью получения нужных показаний, подсудимые избивались. ...

“Стойки”, как мера физического воздействия на подсудимых практиковались большинством работников следственного отдела.

В целях создания “громких дел” и придания им “острой” политической окраски некоторыми работниками Управления МГБ ЛО допускалась необъективная запись показаний обвиняемых и свидетелей, “натяжки” и даже прямая фальсификация следственных документов...

Указанные факты грубейших нарушений в агентурной и следственной работе были известны руководству Управления МГБ ЛО, но анализом их они не занимались, должных мер к их устранению не принимали...

Существовавшая порочная практика в работе органов МГБ... объясняется еще и тем, что оперативный состав не работал систематически над повышением своего идейно-политического и культурного уровня знаний. ...партком УМГБ ЛО смирился с таким положением, не помог коммунистам создать необходимые условия для повышения политического и культурного кругозора.

С целью устранения отмеченных недостатков отделом кадров обкома ВКП(б) было проведено с присутствием секретаря обкома ВКП(б) заседание партийного комитета Управления МГБ и закрытые партийные собрания коммунистов следственного отдела УМГБ ЛО и транспортного отдела МГБ Октябрьской железной дороги...

Секретарь партийного комитета УМГБ ЛО т. Сафонов на проводимой после этого партийной конференции Управления МГБ в новый состав членов партийного комитета не избран. Начальник следственного отдела..., его заместитель..., начальники отделений... сняты с работы и привлечены к ответственности. ...

Следственный отдел УМГБ ЛО укреплен проверенными и знающими свое дело работниками»¹⁶.

В отчете о проверках, произведенных обкомом партии, упоминается и о недостатках в системе исправительно-трудовых лагерей МВД: «В апреле 1946 года отдел кадров обкома ВКП(б) проверил содержание заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях УМВД ЛО и установил, что заключенные содержались в антисанитарных условиях, подвергались массовым избиениям, на тяжелых физических работах использовались без учета пола и возраста и не обеспечивались надлежащим питанием по предусмотренным нормам. Должная воспитательная работа среди заключенных не проводилась, дисциплина среди них поддерживалась методами угроз и применением различных мер физического воздействия.

Вопрос об этих нарушениях обсуждался на бюро обкома ВКП(б), постановлением которого начальник политотдела УИТЛИК УМВД т. Горбачев снят с работы, а начальнику Управления трудовых лагерей и колоний т. Деревянко объявлен выговор.

В процессе устранения отмеченных недостатков начальником ГУЛАГА МВД СССР т. Наседкиным было снято с руководящей работы в лагерях и колониях 21 человек, из них 3 че-

ловека (Пейрик, Соколов и Петров) исключены из партии и привлечены к уголовной ответственности»¹⁷.

Причины проведения столь масштабных мероприятий ленинградским обкомом еще требуют дополнительного изучения. Нам представляется, что подобные действия наверняка были санкционированы А. А. Кузнецовым, который как раз в то время был избран секретарем ЦК. Можно предположить, что сбор негативных данных о работе МВД и МГБ проводился с личного одобрения И. В. Сталина, готовившего материал для смены руководства этих ведомств. Ю. С. Аксенов в своей статье¹⁸ указывает на то, что в конце апреля 1946 г. на заседании Политбюро ЦК рассматривалась «Записка о неправильных мерах обращения с заключенными в исправительно-трудовых лагерях». Вряд ли такой вопрос мог быть вынесен на рассмотрение столь высокого партийного органа без личного одобрения И. В. Сталина. В настоящее время трудно с уверенностью сказать, кто был инициатором рассмотрения данного вопроса: сам вождь, Управление кадров ЦК, по его поручению, или непосредственно А. А. Кузнецов, заручившийся предварительно согласием И. В. Сталина. В любом случае, партийный аппарат в данном конкретном вопросе сработал оперативно, качественно, и оказался сильнее «карательных» органов.

Надлежащий контроль над кадрами был невозможен без прекращения практики так называемого «сращивания» партийных и хозяйственных руководителей, то есть попадания партработников в прямую зависимость от хозяйственников.

2 августа 1946 г. было принято постановление Политбюро ЦК «О фактах премирования министерствами СССР и хозяйственными организациями руководящих работников регионов»¹⁹. В резолютивной части постановления предлагалось «осудить сложившуюся практику», которая «носит характер подкупа, ставит партийных работников в зависимость от хозяйственных руководителей... в силу чего руководящие партийные работники теряют свое лицо и становятся игрушкой в руках ведомств в ущерб интересам государства. Такое положение, если ему не положить конец, является позором и гибелью для партработников и парторганизаций, поскольку они лишаются независимости и самостоятельности, необходимой партработникам и парторганизациям для того, чтобы осуществлять руководящую роль, как защитников интересов государства против всяких нарушений государственных интересов».

Руководство Ленинградской городской партийной организации активно боролось с практикой «сращивания». В апреле 1946 г. П. С. Попков заявил на собрании партийного актива: «В нашем руководстве порою сохраняются еще старые методы военного времени и блокадного периода... Некоторые наши партийные работники незаметно для себя превратились из партийных руководителей в людей ведомственного типа, решающих вопросы не с принципиальных партийных позиций, а с узких позиций того или иного ведомства»²⁰.

Активная кампания велась против практики «подмены» партийных обязанностей хозяйственными делами. В апреле 1946 г. в передовой статье «Ленинградской правды» говорилось:

«Еще встречаются порой партийные работники, которые склонны подменять хозяйственных руководителей, которые готовы давать указания о порядке размещения станков в цехе и в то же время забывают о внутрипартийной работе... Не подменяя хозяйственных руководителей, наши партийные организации должны повседневно и умело осуществлять контроль над деятельностью администрации»²¹.

Борьба со «сращиванием» и увлечением решением хозяйственных вопросов не ограничивалась только увещаниями и призывами. В материалах отдела кадров горкома содержится, например, такая информация: «Увлечение разрешением мелких хозяйственных вопросов вплоть до подыскания инструмента для отдельных предприятий и расстановки оборудования в ущерб работе с кадрами, а также забвение дела своего идейно-политического роста привело к тому, что решением бюро ГК все трое (секретари по кадрам Свердловского, Ленинского и Фрунзенского РК) были освобождены от работы»²².

Иногда под ударом оказывались весьма высокопоставленные партработники. Например, 28 июня 1947 г. секретарям горкома была направлена «Справка по анонимным письмам о практике работы и неправильных действиях секретаря Куйбышевского РК ВКП(б) т. Закржевской Т. В.», подписанная заведующим оргинструкторским отделом горкома Левиным и инструкторами Щербаковой и Восковым²³. В справке приводились факты «использования т. Закржевской служебного положения в личных целях». Как показывает документ, руководство усматривало главную провинность первого секретаря райкома не в фактах бытовой коррумпции, а в том, что: «тов. Закржевская поставила себя в зависимость к ряду хозяйственных руководителей»²⁴.

Установление действенного политического контроля над кадрами затруднялось тем, что образовательный уровень «подведомственного контингента» (особенно среди интеллигенции) был выше, чем у контролеров и руководителей, поэтому вопросы повышения уровня образования партаппарата стали предметом самого пристального внимания со стороны руководства ЦК. Это подтверждает и выступление А. А. Кузнецова на открытии Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) в 1946 г. В своей речи, широко освещавшейся в печати, он заявил: «Центральный комитет партии не могла больше удовлетворять существовавшая ранее система подготовки партийных кадров. По предложению т. Сталина Центральный Комитет ВКП(б) разработал и проводит в жизнь обширную программу мероприятий по серьезному повышению политического и теоретического уровня руководящих партийных и советских работников... никогда еще в истории нашей партии подготовка и переподготовка руководящих кадров не организовывалась на таком... уровне и с таким... размахом. В результате... все основные наши руководящие кадры пройдут в течение ближайших трех-четырех лет серьезную... подготовку и переподготовку»²⁵.

Ленинградская партийная организация активно включилась в процесс переподготовки руководящих кадров. В отчетах отдела кадров горкома партии указывалось: «...в райо-

нах созданы и работают районные партийные школы. В 1945 г. в этих школах закончили обучение 1598 чел. партийного, советского и комсомольского актива и вновь проведен набор слушателей в количестве 1504 чел, среди них: инструкторы райкомов ВКП(б), секретари и заместители секретарей первичных парторганизаций и партийный актив цеховых парторганизаций»²⁶.

В высшей заочной партийной школе при ЦК ВКП(б) обучалось 232 человека — основной партийный и комсомольский актив города: секретари, заведующие и заместители заведующих отделами горкома и райкомов, инструкторы горкома партии и руководящие работники горкома ВЛКСМ²⁷.

В октябре 1945 г. партийную школу обкома и горкома ВКП(б) окончило 288 человек. Все окончившие учебу были направлены на партийную и комсомольскую работу в городе и в районы области. Секретарями горкома и райкомов стали 6 человек, заведующими отделами горкома и райкомов — 24 человека, пропагандистами и инструкторами райкомов — 102 человека, секретарями первичных парторганизаций — 80 человек²⁸.

В сентябре был проведен новый набор в школу (353 человека). В соответствии с решением ЦК в высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) было направлено 35 человек, из них 6 человек отличников — слушателей партийной школы обкома и горкома, и 4 человека направлены в аспирантуру высшей партийной школы при ЦК²⁹.

В 1946 г. 129 человек было направлено в двухгодичную областную партийную школу, 61 человек — на курсы переподготовки при этой школе. 11 секретарей райкомов, председателей райисполкомов и заведующих отделами горкома ВКП(б) зачислены в высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), 145 человек занимались в заочной высшей партийной школе при ЦК ВКП(б)³⁰.

Эти меры дали свои результаты. Если в 1941 г. среди работников аппарата ленинградского горкома 59,8 % имели высшее образование, 18,3 % — среднее и 17,8 % — неполное среднее или начальное, то в 1948 г. доля работников с высшим и неполным образованием составила 84,4 %, со средним — 12,5 %, а неполное среднее или начальное образование имели только 3,1 %. Такое же сравнение для работников аппаратов райкомов дает следующие данные: в 1948 г. высшее образование имели 43,3 % (в 1941 г. — 28,4 %), среднее — 35,3 % (в 1941 г. — 33,9 %), неполное среднее или начальное образование — 11,2 % (в 1941 г. — 35,1 %). Следует отметить, что в группе секретарей райкома образовательный уровень был существенно выше, чем в среднем по аппарату райкома. В 1948 г. из 21 первого секретаря райкомов высшее образование было у 19 человек, что составляет 90,5 %. Среди остальных (41 секретарь) высшее и неполное высшее образование имели 32 человека, или 78 %. Как видно из приведенных данных, рост образовательного уровня происходил в основном за счет уменьшения количества работников с начальным и неполным средним образованием. Это достигалось, с одной стороны, переподготовкой действующих работников, а с другой — ограничениями при приеме на работу для людей

с недостаточным образованием. В этот период наличие высшего образования стало одним из условий кадрового роста в партийном аппарате.

Анализ таких количественных характеристик партаппарата Ленинградской партийной организации, как стаж работы на руководящих должностях, сменяемость и партийный стаж показывает, что партаппарат Ленинграда в 1945–1948 гг. оставался достаточно замкнутой структурой, сложившейся в основном в годы блокады. Например, по данным на октябрь 1947 г. у всех первых секретарей райкомов (21 человек) был стаж руководящей работы больше 5 лет. Среди остальных секретарей райкомов (41 человек) — стаж больше 5 лет имели 32 человека (78 %), от 3-х до 5 лет — 4 человека (9,8 %), и от 2-х до 3-х лет — 5 человек (12,2 %). Крайне интересно, что в 1945 г. и в 1946 г. отдел кадров горкома собирал сведения не только об общем стаже пребывания на руководящей работе, но и о стаже руководящей работы в Ленинградской партийной организации (что, кстати говоря, не было предусмотрено нормами партийного учета и статистики). Данные 1946 г. приведены ниже.

По опыту руководящей работы в Ленинградской партийной организации — аппарат горкома: до 1 года — 13,1 %, от 1 года до 5 лет — 37,7 %, от 5 до 10 лет — 32,2 %, свыше 10 лет — 16,9 %; аппарат райкомов: до 1 года — 11,1 %, от 1 года до 5 лет — 38,9 %, от 5 до 10 лет — 37,2 %, свыше 10 лет — 12,7 %. Эти данные показывают, что партийный аппарат Ленинграда состоял в эти годы в основном из работников, прошедших блокадный период и тесно связанных с городом.

Представляет интерес анализ национального состава работников как партаппарата, так и соответствующей номенклатуры.

Эти данные содержатся в статистических материалах Управления кадров горкома, подготовленных до 1949 г. Четырьмя наиболее распространенными национальностями за все время исследуемого периода являлись: русские, украинцы, белорусы, евреи. Численность украинцев и белорусов оставалась почти стабильной (с изменениями, находящимися в пределах естественной погрешности): например, если в аппарате горкома в 1941 г. было 4,7 % украинцев и 1,8 % белорусов, то в 1948 г. доли составили соответственно 6,1 % и 1,1 %. В номенклатуре горкомов в 1941 г. — 2,6 % украинцев и 1,9 % белорусов; в 1948 г. — соответственно 3,2 % и 1,7 %.

По номенклатуре горкома доля евреев составляла: 17 % в 1941 г., 9,2 % в 1945 г., 8,8 % в 1947 г. и 3,7 % в 1952 г. По номенклатуре райкома: 10,7 % в 1945 г., 10,3 % в 1947 г. и 5,1 % в 1952 г. Несколько другая ситуация была с национальным составом партийного аппарата. В аппарате горкома доля евреев составляла: 12,4 % в 1941 г., 2,2 % в 1947 г., 0,04 % в 1952 г. В аппарате райкомов: 14,6 % в 1941 г., 2,8 % в 1947 г. и 1,1 % в 1952 г.

Эти данные показывают, что в 1941–1948 гг. происходило уменьшение числа евреев в партаппарате. При этом нет оснований говорить о заметном вытеснении работников этой национальности с других руководящих («номенклатурных») постов.

Кампания по вытеснению евреев со всех руководящих постов началась с 1949 г. Подчеркнутое внимание со стороны нового руководства города к этому вопросу подтверждается (среди прочих свидетельств) и ставшим нам доступным кадровым отчетом Невского райкома за 1952 г.³¹ Документы, входящие в состав отчета, свидетельствуют о пристальном внимании проверяющих инстанций к вопросам национального состава номенклатуры и аппарата. Так, на листе с данными о численности работников по национальностям от руки высчитан процент евреев и русских. К отчету приложены: список номенклатурных работников — беспартийных, с обязательным указанием национальности³², а также документ под названием «Список номенклатурных работников — расшифровка параграфа № 4» с перечислением номенклатурных работников-евреев с указанием предприятия, занимаемой должности и партийного стажа³³. Из 31 человека, перечисленного в списке, один — на советской работе (председатель районного комитета по физкультуре и спорту), 11 человек — в первичных парторганизациях (секретари, культпропы, редакторы многотиражных газет, заведующие парткабинетами) и один — лектор районного партийного кабинета.

Статистика свидетельствует о том, что широкомасштабная кампания по вытеснению евреев из номенклатуры началась с 1949 г., а отнюдь не в период нахождения у власти так называемой «ленинградской группы», что ставит под сомнение утверждение об антисемитском настрое в их деятельности. Следует отметить, что эти данные совпадают с теми фактами, которые приводятся в монографии известного исследователя этого вопроса Г. В. Костыренченко³⁴.

Материальное положение работников партийных работников было лучше, чем у многих жителей страны. В то же время, привлечение к работе образованных представителей научно-технической интеллигенции осложнялось тем, что при переходе в партаппарат многие из них теряли в зарплате. Например, низовой партийный работник — инструктор райкома — получал в 1948 г. 1100 руб. в месяц, что было ниже, чем зарплата в научных институтах, особенно для людей с учеными степенями. Это вызывало беспокойство у партийного руководства. В апреле 1948 г. на совещании работников отделов кадров райкомов Ленинграда было сказано, что вопрос о повышении зарплаты низовых партийных работников рассматривался на совещании в ЦК у А. А. Кузнецова, где было признано, что «это вопрос большой и его надо рассмотреть особо»³⁵.

Представляет интерес сравнение количественных и качественных характеристик работников партаппарата Ленинграда с аналогичными данными по другим регионам СССР. Сведения, приведенные в работах В. А. Айрапетова (по Тамбовской области), О. Н. Калининой (по регионам Западной Сибири), А. Б. Коновалова (по Кузбассу) и В. П. Мохова (по Пермской области)³⁶, позволяют сделать вывод о том, что образовательный уровень (в динамике) у ленинградских партработников был существенно выше (на 20–35 %), чем у их коллег в других регионах; большинство партработников нашего города имели (кроме партийного) инженер-

но-техническое образование, в то время как в других областях преобладающим образованием было педагогическое; одним из наиболее характерных признаков ленинградского аппарата являлось то, что в нем практически не было «людей со стороны», в то время как в других областях происходила постоянная ротация руководящих кадров центром и иными регионами.

¹ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. С. 183.

² *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 24.

³ *Маленков Г.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б). 5 октября 1952 г. Магадан, 1953. С. 90–91.

⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГА ИПД СПб). Ф. 24. Оп. 73. Д. 29. Л. 186.

⁵ *Сталин И. В.* Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М., 1946. С. 23.

⁶ Ленинградская правда. 1946. 21 апреля.

⁷ Там же. 6 сентября.

⁸ «Основные задачи ВКП(б) по строительству коммунистического общества». Из проекта Программы партии 1947 года (Комментарий А. В. Пыжикова) // Исторический архив. 2002. № 6. С. 2.

⁹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 40. Д. 65. Л. 47.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Оп. 7. Д. 915. Л. 326–328.

¹² Там же. Д. 928. Л. 21.

¹³ Там же. Л. 49.

¹⁴ Вопросы партийной работы в послевоенный период. Сб. документов М., 1948. С. 87.

¹⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 676. Л. 10.

¹⁶ Там же. Ф. 24. Оп. 7. Д. 994. Л. 11–14.

¹⁷ Там же. Л. 16.

¹⁸ *Аксенов Ю. С.* Апогей сталинизма: Послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 100.

¹⁹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост. В. В. Денисов и др. М., 2004. С. 156–157.

²⁰ Ленинградская правда. 1946. 18 апреля.

²¹ Там же. 19 апреля.

²² ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 676. Л. 12.

²³ Там же. Д. 37. Л. 1–6.

²⁴ Там же. Л. 6.

²⁵ Ленинградская правда. 1946. 3 ноября.

²⁶ ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 577. Л. 25.

²⁷ Там же. Л. 27.

²⁸ Там же. Л. 28.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Д. 676. Л. 13.

³¹ Там же. Оп. 41. Д. 29. Л. 4.

³² Там же. Л. 12.

³³ Там же. Л. 20.

³⁴ *Костырченко Г. В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. С. 210–219.

³⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 7030. Л. 62.

³⁶ *Айрапетов В. А.* Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РК ВКП(б)/КПСС (Тамбовская область, 1945–1982 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009; *Калинина О. Н.* Формирование и эволюция партийно-государственной номенклатуры Западной Сибири в 1946–1964 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007; *Коновалов А. Б.* Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005; *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). Пермь, 2003.